

Илья Муромец и Жидовин

Под славным городом под Киевом,
На тех на степях на Цицарских,
Под славным городом под Киевом,
Стояла застава богатырская.
На заставе атаман был Илья Муромец,
Податаманье был Добрыня Никитич млад,
Есаул Алеша Поповский сын,
Еще был у них Гришка Боярский сын,
Был у них Васька Долгополой.
Все были братцы в разъезде:
Гришка Боярский в те пор кравчим жил,
Алеша Попович ездил в Киев-град,
Илья Муромец был в чистом поле,
Спал в белом шатре,
Добрыня Никитич ездил ко синю морю,
Ко синю морю ездил за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою,
На охоте стрелять гусей, лебедей.
Едет Добрыня из чиста поля,
В чистом поле увидел ископоть великую,
Ископоть велика - полпечи.
учал он ископоть досматривать:
- Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь
На эти степи Цицарския!
Приехал Добрыня в стольный Киев-град,
Прибирал свою братию приборную:
- Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
Мы что на заставушке устояли.
Что на заставушке углядели?
Мимо нашу заставу богатырь ехал!
Собирались они на заставу богатырскую.
Стали думу крепкую думати:
Кому ехать за нахвальщиком?
Положили на Ваську Долгополого.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
- Неладно, ребятушки, положили;
У Васьки полы долги,
По земле ходит Васька - заплетается,
На бою на драке заплетется,
Погинет Васька по-напрасному.
Положили на Гришку на Боярского:
Гришке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистом поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
- Неладно, ребятушки, удумали,
Гришка рода боярского:

Боярские роды хвастливые,
На бою-драке призахвастается,
Погинет Гришка по-напрасному.
Положились на Алешу на Поповича:
Алешке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистом поле,
Побить нахвальщика на чистом поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
- Неладно, ребяташки, положили:
Алешинька рода поповского,
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие,
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, серебра,-
Злату Алеша позавидует,
Погинет Алеша по-напрасному.
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистом поле,
Побить нахвальщика на чистом поле,
По плеч отсечь буйну голову,
Повезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походит Добрыня на конюший двор,
Имает Добрыня добра коня,
Уздает в уздечку тесмянную.
Седлает в седельшко черкеское,
В тороках вяжет палицу боевую,
Она свесом та палица девяносто пуд,
На бедра берет саблю вострую,
В руки берет плеть шелковую,
Поезжает на гору Сорочинскую.
Посмотрел из трубочки серебряной:
Увидел на поле чернизину;
Поехал прямо на чернизину,
Кричал зычным, звонким голосом:
- Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь,
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаману Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братию наборную?
Учул нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Попушал на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленца пал.
Добрыня Никитич млад
Господу Богу возмолится
И Мати Пресвятой Богородице:

- Унеси, Господи, от нахвальщика.
Под Добрыней конь посправился,
Уехал на заставу богатырскую.
Илья Муромец встречает его
Со братиею со приборною.
Сказывает Добрыня Никитич млад:
- Как выехал на гору Сорочинскую,
Посмотрел из трубочки серебряной,
Увидел на поле чернизину,
Поехал прямо на чернизину,
Кричал громким, зычным голосом:
"Вор, собака, нахвальщина!
Зачем ты нашу заставу проезжаешь,
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братью на приборную?"
Услышал вор-нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Попушал на меня, добра молодца:
Сыра мать-земля всколыбалася,
Из озер вода выливалася,
Подо мною конь на коленца пал.
Тут я Господу Богу взмолился:
"Унеси меня, Господи, от нахвальщика!"
Подо мной тут конь посправился,
Уехал я от нахвальщика
И приехал сюда, на заставу богатырскую.
Говорит Илья Муромец:
- Больше некем заменитьсь,
Видно, ехать атаману самому!
Походит Илья на конюший двор,
Имает Илья добра коня,
Уздает в уздечку тесмянную,
Седлает в седельшко черкасское,
В торока вяжет палицу боёвую,
Она свесом та палица девяноста пуд,
На бедра берет саблю вострую,
Во руки берет плеть шелковую,
Поезжает на гору Сорочинскую;
Посмотрел из кулака молодецкого,
Увидел на поле чернизину,
Поехал прямо на чернизину,
Вскричал зычным, громким голосом:
- Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь,
Мне, атаману Илье Муромцу, челом не бьешь?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братью наборную?
Услышал вор-нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,

Попушал на Илью Муромца.
Илья Муромец не удробился.
Съехался Илья с нахвальщиком:
Впервые палками ударились,-
У палок цевья отломались,
Друг дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились,-
Востры сабли приломались,
Друг дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись,-
Друг дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашным боем,
Бились, дрались день до вечера,
С вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бела света.
Махнет Илейко ручкой правою,-
Поскользит у Илейка ножка левая,
Пал Илья на сыру землю;
Сел нахвальщина на белы груди,
Вынимал чинжалищѣ булатное,
Хочет вспороть груди белыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плеч отсечь буйну голову.
Еще стал нахвальщина наговаривать:
- Старый ты старик, старый, матерый!
Зачем ты едешь на чисто поле?
Будто некем тебе, старику, заменитьсь?
Ты поставил бы себе келейку
При той путе - при дороженьке,
Сбирал бы ты, старик, во келейку,
Тут бы, старик, сыт-питанѣн был.
Лежит Илья под богатырем,
Говорит Илья таково слово:
- Да неладно у святых отцѣв написано,
Не ладно у апостолов удумано,
Написано было у святых отцѣв,
Удумано было у апостолов:
"Не бывать Ильѣ в чистом поле убитому",
А теперъ Илья под богатырем!
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнѣт нахвальщику в белы груди,
Вышибал выше дерева жарового,
Пал нахвальщина на сыру землю,
В сыру землю ушел допояс,
Вскочил Илья на развы ноги,
Сел нахвальщине на белы груди.
Недосуг Илюхе много спрашивать,-
Скоро спорол груди белыя,
Скоро затырил очи ясныя,
По плеч отсек буйну голову,
Воткнул на копье на булатное,
Повез на заставу богатырскую.

Добрыня Никитич встречает Илью Муромца
Со своей братьей приборною.
Илья бросил голову о сыру землю,
При своей братье похваляется:
- Ездил во поле тридцать лет,-
Экого чуда не наезживал!

Заставы богатырские, как и дорожки прямоезжие, - тоже не просто поэтический вымысел, плод народной фантазии, а отражение вполне реальной исторической действительности. Именно такие богатырские заставы ограждали Русь от набегов со стороны Дикого поля, первыми принимали на себя удары косоогов, хазар, печенегов, половцев, а позднее - языц неизвестных, были, по сути, военными крепостями, пограничными форпостами Руси. И так было не только во времена Киевской и докиевской Руси, но и в более отдаленные, когда в Приднепровье проходили оборонительные линии праславян и скифов. Трудно сказать, какой именно период отражен в данном былинном сюжете - древнейший или позднейший, X - XII века или XIII-XIV. Но так происходит всегда при выражении эпической ситуации, повторяющейся в течение многих веков или тысячелетий. Это не исключение, а правило, одна из принципиальных особенностей эпического творчества и эпического сознания, по самой природе своей объемного, охватывающего тысячелетние периоды исторического бытия народа.

Такая эпическая ситуация запечатлена и в былинном сюжете о бое Ильи Муромца с заезжим богатырем-нахвалящиком; ситуация, допускающая как конкретно-исторические, так и общие трактовки. Вполне конкретным и далеко не случайным является, например, упоминание в некоторых записях этой былины земли Жидовской и имени богатыря Жидовина. За этим кроется одна из драматических страниц в истории Киевской Руси, в течение нескольких веков противостоявшей Хазарии, правящая верхушка которой, как известно, исповедовала иудаизм. И русским богатырям, вне всякого сомнения, приходилось не раз сталкиваться с хазарскими богатырями (таков Ратмир в пушкинском "Руслане и Людмиле", а в самом эпосе - Михайло Козарин, то есть хазарии). Следовательно, время возникновения этого былинного сюжета вполне можно отнести к XI-XII векам, когда Хазария была одним из основных соперников Руси в При- черноморье и Приволжье.

Но это лишь одна из возможных трактовок, существуют и другие. В некоторых вариантах былины Илья Муромец встречается не просто с чужеземным богатырем-нахвалящиком, а со своим неузнанным" сыном Сокольников или Подсокольников, которого сверстники, как внебрачного, дразнят сколотлым. Эта версия сюжета дает основания для еще более далекого экскурса в историю, поскольку известно, что в скифские времена сколотами называли предков славян.

А это значит, что в русском эпосе сохранился сюжет древнейшей легенды или мифа о том, как славянский богатырь побывал на Золотых горах, где женился на Златыгорке (это имя жены Ильи Муромца сохранилось в былинах). И вот через много лет он встретился со своим неузнанным сыном Сокольников, приехавшим отомстить отцу за измену. Во время боя Илья Муромец по приметам узнает своего сына.

Подобная трактовка станет еще более вероятной, если вспомнить о Святогоре, от которого Илья Муромец получает свою неодолимую силу. Златыгорка и Святогор - эти имена приводят нас на родину праславян, где в приднунайских горах закладывались и первые мифы.

Былина "Илья Муромец на заставе богатырской" вошла в "Собрание народных песен П. В. Киреевского".